

УДК 94(44).04

Тони Рокки¹**РАЗНОВИДНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Независимый исследователь. Торонто, Канада

T. Rocchi

VARIETIES OF POLITICAL VIOLENCE IN THE FRENCH REVOLUTION

Independent researcher. Toronto, Canada

Аннотация: Данная статья прослеживает разновидности политического насилия во Французской революции между 1789-1804 гг. Когда историки пишут о насилии в революции, они обычно сосредотачивают внимание на якобинском терроре 1793-1794 гг. Однако, насилие имело место на всех этапах революции от взятия Бастилии 14 июля 1789 г. до провозглашения Наполеона Бонапарта императором 18 мая 1804 г. Правительственные репрессии продолжились после свержения якобинцев в 1794 г. Массовые революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения внушали своим последователям, что насилие явилось легитимным способом политической борьбы. Интенсивность насилия была обусловлена массовыми вспышками политической и религиозной эсхатологии. Размах насилия отражал раздробление социума и элементы гражданской войны.

Ключевые слова: Французская революция, политическое насилие, террор

Annotation: This article examines varieties of political violence in the French Revolution between 1789-1804. When historians write about violence in the revolution, they usually focus on the Jacobin terror of 1793-1794. However, violence took place on every stage of the revolution from the taking of the Bastille on July 14, 1789 to the appointment of Napoleon Bonaparte as emperor on May 18, 1804. Government repressions continued after the overthrow of the Jacobins in 1794. Mass revolutionary, antirevolutionary and counterrevolutionary movements suggested to their followers that violence was a legitimate means of political struggle. The intensity of violence was conditioned by outbreaks of political and religious eschatology. The massiveness of violence reflected the splintering of society and elements of civil war.

Keywords: French Revolution, political violence, terror

¹ Тони Рокки - бывший научной сотрудник Справочной Библиотеки Торонто. Ныне - независимый исследователь и пенсионер (Торонто, Канада). Участник ежегодных международных научных конференций в Москве, Барнауле, Туле и др.

Данная статья прослеживает разновидности политического насилия во Французской революции между 1789-1804 гг. Когда историки пишут о насилии в революции, они обычно обращают внимание на якобинский террор 1793-1794 гг. Однако, насилие имело место на всех этапах революции от взятия Бастилии 14 июля 1789 г. до провозглашения Наполеона Бонапарта императором 18 мая 1804 г. Насилие имело место в так называемый мирный период революции между взятием Бастилии и свержением монархии Бурбонов в сентябре 1792 г., и правительственные репрессии продолжались после свержения якобинцев 27 июля 1794 г. [9 термидора второго года революции]. Массовые революционные, антиреволюционные и контрреволюционные движения внушали своим последователям, что насилие явилось вполне легитимным способом политической борьбы. Имели место многие политически мотивированные убийства. Терроризм как средство политической борьбы начался в данный период с роялистского покушения на жизнь Наполеона Бонапарта 24 декабря 1800 г. Размах насилия отражал раздробление социума и элементы гражданской войны.

Интенсивность насилия была обусловлена массовыми вспышками политической и религиозной эсхатологии с мотивами о конце старого мира и пришествии нового века, космической борьбе между добрыми и злыми силами и демонизации действительных и мнимых врагов. Свирепствовали конспирологические фантазии. [3, с. 18-27] Подчеркиваем, что революционеры положили начало постоянной демонизации всяких критиков. Уже в 1789 году, сторонники перемен называли себя патриотами и клеймили своих оппонентов аристократами. «Патриоты» утверждали, что взгляды «аристократов» были основаны на невежестве и недостойны внимания. Клеймо невежества стало основным оправданием революционеров для осуждения взглядов противников. Преамбула к Декларации прав человека и гражданина провозгласила следующее: «Невежество, пренебрежение или презрение к правам человека — это единственная причина общественных бедствий и коррупции правительств». [6] С обострением конфликтов, многие революционеры пришли к выводу что против революции стоял обширный заговор внешних и внутренних врагов. Революционная конспирология породила контрреволюционную конспирологию. В четырёхтомнике, опубликованном в 1797 г., иезуит Аббат Августин Барруэль обвинял философов Эпохи Просвещения, франкмасонов и мистическую секту иллюминатов в подготовке революций и утверждал, что якобинцы явились воплощением этого союза нечистых сил. [4]

В масштабности якобинского террора нет сомнений. Британский историк Уильям Дойл приводит следующую статистику: правительственные органы казнили 16000, главным

образом при подавлении федералистских региональных восстаний. Еще 16000 были убиты в неофициальных казнях. Комитеты и трибуналы заключили в тюрьмы 500000 человек, из которых умерли 10000. Дойль добавил, что также 250000 мужчин, женщин и детей были убиты армией при подавлении вандейского восстания 1793-1796 гг. В 1789 г. во Франции проживали 28 миллионов жителей. [7, pp. 253-259.]

Трудно сомневаться в масштабности репрессий при подавлении вандейского восстания. В 1796 г. генерал Лазарэ Хош в докладе к правительству подсчитал, что 600000 французов (повстанцы и солдаты) погибли в Вандее. [11, p. 199] Когда французский историк Рейналь Сеше опубликовал свою книгу о Вандее в 1986 г., его утверждение о французском геноциде при подавлении восстания вызвало горячие дебаты среди историков. Сеше написал: «...именно это желание стереть все следы восставшего народа с лица земли определяет геноцид» [11, p. 259]

Историки еще задают вопрос – был ли террор аберрацией или закономерностью? Многие историки поддерживают «тезис условий», утверждающий, что угрозы иностранного вторжения и внутренней контрреволюции принудили якобинцев использовать террор, чтобы уstrasшить и уничтожить своих внутренних врагов. Американский историк Тимоти Тэкетт написал, что террор не был предопределен, а появился из условий революции. [13, pp. 37-38] Другие историки, особенно французский историк Франсуа Фюре, утверждают, что революционная идеология, а не условия, породила террор. Сторонники этого тезиса утверждают, что террор явился подразумеваемым [имплицитным] в Декларации права человека и всех событиях 1789 года. [12, pp. 175-176]

Советские историки славил решимость якобинцев в проведении политики террора против врагов революции. Как заметил А. З. Манфред: «Проведение карательной политики против врагов революции, организация сил нации для борьбы и победы над врагами и только не допускали перехода к конституционному режиму, но напротив, повелительно требовали дальнейшего укрепления централизованной революционной диктатуры, опиравшейся на широкий демократический базис массовых организаций народа, революционных клубов, народных обществ, секций и пр. Якобинцы, независимо, от их взглядов и планов, самим ходом борьбы были вынуждены перейти к революционно-демократической диктатуре.» [1, с. 54]

Однако, тезисы не объясняют, почему приверженцы политических движений по всему спектру решили взяться за насилие против врагов. Рассмотрим главные разновидности насилия в революции. Заметим, что американский исследователь Д. М. Г. Сатерленд, в отличие от многих историков, подробно описывал все разновидности насилия на всех этапах

революции.

О так называемом мирном периоде революции между взятием Бастилии 14 июля 1789 г. и свержением монархии в сентябре 1792 г., не может быть и речи. Социум разделился по политическим, социальным (сословным-классовым), религиозным, этническим, языковым, региональным, местным, гендерным и другим направлениям. Главными насильственными движениями между 1789-1792 гг. явились продолжительные крестьянские восстания против помещичьего строя. С июня 1788 г. по июнь 1793 г. имели место 4700 крестьянские волнений, особенно после упразднения многих аспектов феодального строя в августе 1789 г. [8, p. 368] Также имели место многие городские беспорядки и восстания, особенно по недостатку и ценам продовольствия. Уже в 1790 г. произошли вооруженные столкновения между католиками и протестантами на юге, потому что католики часто выступали против равноправия для протестантов. Были столкновения между патриотическими и антиреволюционными вооруженными силами. Так организовались, часто под подстрекательством эмигрантов, первые роялистские заговоры. [12, pp. 101-103]

Проведение в жизнь 12 июля 1790 г. Учредительным собранием закона о гражданском устройстве духовенства вызвало раскол в Католической церкви. Многие священники приняли обет лояльности конституции, но многие другие отказались; особенно, когда Папа Римский осудил ее. Верующие, преимущественно в западных регионах, и многие женщины во всей Франции бойкотировали священников, принявших обет лояльности и угрожали их жизни. [3 с. 20] Революционеры, особенно в департаментах, требовали принятия суровых репрессивных мер против священников, отказывающихся принять обет лояльности, эмигрантов и других представителей «аристократизма».

Провозглашение войны против Австрии и Пруссии в апреле 1792 г., свержение монархии в сентябре, уход многих мужчин на фронт - обострили страхи о контрреволюционных заговорах в тюрьмах. Начался террор снизу. В сентябре радикалы убили 1100-1400 людей в парижских тюрьмах и сотни в департаментах. Правительство не поддержало массовые убийства, но и не осудило их. Как заметил Сатерленд, в городах, имевших тюремные убийства в 1792 г., часто совершались массовые убийства якобинцев бандами католиков и роялистов в 1795-1797 гг. [12, pp. 122-123]

Итак, задолго до проведения якобинского террора в 1793-1794 гг. многие представители революционных, антиреволюционных и контрреволюционных сил признали полезность насилия и политически-мотивированных убийств для достижения своих целей.

Якобинский террор проводился в Париже и департаментах. В Париже, террор проводился Комитетом общественной безопасности и Революционным трибуналом.

Якобинцы у власти часто сталкивались с другими революционерами, выступавшими против массового террора. Правящие якобинцы называли таких оппонентов «умеренными». Они также сопротивлялись революционерам, требовавшим террора всё возрастающей масштабности. В Париже самыми большими сторонниками террора были санкюлоты--народные массы, в том числе ремесленники, лавочники и др. работники. Руководители санкюотов получили от якобинцев ругательное название «бешенные». Хотя якобинцы использовали ненависть народных масс к внешним и внутренним врагам, Максимилиан Робеспьер и другие якобинцы строго регламентировали поведение масс и не допускали их к участию в деятельности правительства и к проведению политики террора. Местный якобинский террор 1793-1794 гг. применялся в департаментах особенно при подавлении федералистских восстаний. Местные якобинцы и делегаты центрального правительства проводили политику террора, устанавливали централизованное управление и часто приветствовали политику дехристианизации. Хотя местный террор был полезен парижскому правительству, многие парижские якобинцы боялись, что перегибы местных революционеров могли дискредитировать революцию. Армейские репрессии проводились против вандейских повстанцев, шуанов-партизан в Нормандии и Бретани и участников в федералистских восстаниях. [12, pp. 146-233]

Антиякобинское насилие в департаментах имело свои особенности. Весной 1793 г. имели место столкновения во многих департаментах между местными якобинцами и их революционными противниками. Якобинцы обвиняли своих противников в «федерализме», т.е. в попытке подорвать единство республики, а революционеры в департаментах выступали против верховенства и эксцессов якобинцев. В Лионе и Марселе федералисты судили и казнили местных якобинцев. В порте Тулоне роялисты передали город британскому флоту. [12]

Вандейские повстанцы выгоняли, избивали и убивали всех выигравших от революции, в том числе католических священников, принявших обет лояльности к конституции, а также покупателей (часто из буржуазии) конфискованных церковных земель, местных республиканских администраторов и членов якобинских клубов, особенно из городских буржуазных слоев. Такие проявления массового насилия против всех выигравших от революции имели место в других роялистских контрреволюциях, особенно на юге (Midi) Франции и среди шуанов в Нормандии и Бретани. [2 сс. 40-41]

Антиреволюционное и контрреволюционное насилие поднимались на новый уровень после свержения якобинцев в 1794 г. Организованное возмездие против бывших якобинцев, подозреваемых в участии в терроре, проявилось в двух волнах «белого террора» весной 1795

г. и весной 1797 г. на юге Франции. Убийцы часто действовали при передаче заключенных из одной тюрьмы в другую тюрьму или при нападении на тюрьму. Члены банд убийц, часто именующие себя «Компанией солнца» или «Компанией Иисуса» часто убивали людей на улицах и в других местах. Депутаты из Конвента и местные чиновники обычно игнорировали убийства или способствовали им. Жертвами становились члены местных якобинских клубов, представители революционных комитетов и местной администрации, антицерковные активисты, бедняки, ремесленники, священники, принявшие обет лояльности, протестанты и евреи. [12, pp 248-252] Бандитизм всегда существовал во Франции, но после свержения якобинцев возникало явление «королевских разбойников» на юге. «Королевские разбойники», обычно из рядов уклонистов и дезертиров, часто нападали на представителей правительства и армии. Трудно было отличать роялистских разбойников от уголовников. [12, pp. 272-273]

Лишь суровые правительственные меры могли положить конец насилию разных движений. Чтобы покончить с насилием, Директория и Консулат использовали военные средства, как провозглашение осадного положения на многих местах, использование военных судов, чтобы осуждать политических противников, в том числе гражданских лиц, и летучих военных комиссий для разгрома повстанчества, разбоя и роялистских восстаний, особенно на западе и юге.

Как заметил американский исследователь Говард Браун, между 1797 и 1802 гг., правительства Директории и Консулата использовали традиционные репрессивные методы беспрецедентной масштабности, чтобы восстановить порядок в больших регионах системного беззакония и гарантировать успешное проведение более современных средств надзора, политической полиции и контроля к сохранению порядка. Такие меры, по мнению Брауна, положили конец Французской революции, и установили режим надзора и безопасности, существующий вплоть до разгрома Парижской коммуны в 1871 г. [5, pp. 612-613]

Подведем итоги. Ограничить историю политического насилия во время Французской революции якобинским террором означает игнорировать многие разновидности насилия в ходе революции. Заметим общеевропейский контекст потому, что Французская революция была самой мощной в волне революций и контрреволюций в Европе примерно между 1770-1800 гг. Были революции в Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии, Италии, и имело место революционное брожение в Великобритании, Ирландии, Польше и других странах. Революции имели отклик в России. При царствовании Наполеона были антифранцузские и национально-освободительные восстания и войны в Испании, Германии и других странах.

[9,10]

Масштабность, разновидности и продолжительность политического насилия сильно отличали Французскую революцию от других революций в данный период. Революционное, антиреволюционное и контрреволюционное насилие отражало раздробление социума и элементы гражданской войны.

Следует задать вопрос: почему страх прореволюционных, антиреволюционных и контрреволюционных элементов о действительных и, чаще, мнимых врагах принял такой масштаб на всех этапах Французской революции и, наконец, воплотился в политике террора и в желании и готовности всех сторон уничтожить своих врагов? Страх, прежде всего, является эмоцией или чувством. Современные историки Французской революции признают, что якобинский террор был ответом на войну с внешними и внутренними врагами. Но они также признают, что эмоции, такие как одержимость и истерия прореволюционных элементов по поводу внутренних врагов и контрреволюционных заговоров во всемирных вариантах, создали питательную среду для реализации политики террора. Предполагается, что эсхатологические мотивы демонизации внешних и внутренних врагов мощно влияли на сознание французских революционеров и их оппонентов. Ведь Французская революция породила явление политической эсхатологии, требующее более подробного исследования. Заметим, что историки революций и политических движений часто не обращают должного внимания на роль политической эсхатологии в процессе консолидации наций и движений. Конечно, эсхатология имеет религиозные корни, но это учение адаптировалось ко всем политическим идеологиям, начиная с эпохи Французской революции и до сегодняшних дней.[2, сс. 21-22]

Предполагается, что массовое политическое насилие во Французской революции явилось производной мощного взрыва политической эсхатологии.

Революции в разные периоды возникают и развиваются при конкретных исторических условиях в отдельных странах и регионах. Однако, можно делать сравнительные анализы насилия во Французской революции с общеевропейскими революциями 1848-1849 гг. и особенно с Российскими революциями 1905-1907 гг. и 1917-1922 гг. Да, и массовое насилие в разных проявлениях было производной мощных взрывов политической эсхатологии во Французской революции и Российской революции 1917-1922 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Манфред А. З. Великая французская буржуазная революция. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. С.13-209.

2. Рокки Т. Вандейское восстание и его место в истории европейских региональных антиреволюционных и контрреволюционных движений. Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2022. №3 (125). С. 39-44.
3. Рокки Т. Революция справа: Российское черносотенство и его место в истории общеевропейских крайне правых партий и движений. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 4 -2 . С.13-34.
4. Barruel. A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. Trans. from the French. With an introduction by Stanley L., Jaki. Fraser MI: American Council on Economics and Society, 1995. URL <https://archive.org/details/book-history-memoirs-illustrating-the-history-of-jacobinism-barruel/page/n3/mode/2up>
5. Brown H. G. Domestic State Violence: Repression from the Croquants to the Commune. The Historical Journal. Vol. 42. No. 3 (Sep., 1999), pp. 597-622.
6. Declaration of the Rights of Man-1789. URL http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
7. Doyle W. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
8. Markoff John. Violence, Emancipation, and Democracy: The Countryside and the French Revolution. The American Historical Review, Apr., 1995, Vol. 100, No. 2 (Apr., 1995), pp. 360-386.
9. Murray-Miller G. Revolutionary Europe: politics, community and culture in transnational context, 1775-1922. London: Bloomsbury Academic, 2020.
10. Palmer R. R. The age of the democratic revolution; a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964.
11. Secher R. A French Genocide: the Vendée. Trans. from the French. Notre Dame IN, 2003.
12. Sutherland D. M. G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford UK: Blackwell, 2003.
13. Tackett T. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA, 2015.

REFERENCES (transliteration; 4-13 text in English)

1. Manfred A. Z. Velikaja francuzskaja burzhuaznaja revoljucija. Velikaja francuzskaja revoljucija. M.: Nauka, 1983. S. 13-209.

2. Rokki T. Revolyucija sprava: rossijskoe chernosotenstvo i ego mesto v istorii obshcheevropejskih krajne-pravyh partij i dvizhenij. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2018. T. 10. № 4 -2. S. 13-34.
3. Rokki T. Vandejskoe vosstanie i ego mesto v istorii evropejskih regional'nyh antirevoljucionnyh i kontrevoljucionnyh dvizhenij. Izvestija AltGU, Istoricheskie nauki i arheologija. 2022. №3 (125). S. 39-44.
4. Barruel. A. Memoirs Illustrating the History of Jacobinism. Trans. from the French. With an introduction by Stanley L., Jaki. Fraser MI: American Council on Economics and Society, 1995. URL <https://archive.org/details/book-history-memoirs-illustrating-the-history-of-jacobinism-barruel/page/n3/mode/2up>
5. Brown H. G. Domestic State Violence: Repression from the Croquants to the Commune. The Historical Journal. Vol. 42. No. 3 (Sep., 1999), pp. 597-622.
6. Declaration of the Rights of Man-1789. URL http://avalon.law.yale.edu/18th_century/rightsof.asp
7. Doyle W. The Oxford history of the French Revolution. 2nd ed. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
8. Markoff John. Violence, Emancipation, and Democracy: The Countryside and the French Revolution. The American Historical Review, Apr., 1995, Vol. 100, No. 2 (Apr., 1995), pp. 360-386.
9. Murray-Miller G. Revolutionary Europe: politics, community and culture in transnational context, 1775-1922. London: Bloomsbury Academic, 2020.
10. Palmer R. R. The age of the democratic revolution; a political history of Europe and America. 2 vol. Princeton NJ: Princeton University Press, 1959-1964.
11. Secher R. A French Genocide: The Vendée. Trans. from the French. Notre Dame IN, 2003.
12. Sutherland D. M. G. The French revolution and Empire: the quest for a civic order. Malden MA; Oxford UK: Blackwell, 2003.
13. Tackett T. The coming of the terror in the French Revolution. Cambridge, MA, 2015.

Рецензент: Самарцева Елена Игоревна – д.и.н., проф., ученый секретарь Тульского государственного музея оружия; проф. Тульского государственного университета